

Е. Г. Панкратова
(Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

**К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ
1930-х г. В СССР
(по материалам архивно-следственного дела Г. И. Боровки)¹**

Основная сложность в изучении 1920–1930-х гг. в истории отечественной археологии заключается в том, что из-за усиления идеологического контроля и репрессивной политики государства, огромное количество архивных документов было уничтожено, децентрализовано и засекречено. После того, как массив архивно-следственных дел стал доступен для исследователей, стало очевидным, что эти документы важны не только для составления мемориальных баз данных, но и представляют собой уникальный источник для восполнения пробелов в истории отечественной науки. В частности, работа со следственным делом археолога и скифолога Г. И. Боровки, позволила уточнить институциональные особенности развития античной археологии в столицах, впервые позволила установить этапы организации Таманской экспедиции ГАИМК и получить важную, ранее не опубликованную, информацию о проведении самих археологических раскопок на территории Гермонассы и Фанагории.

Ключевые слова: Григорий Иосифович Боровка (1894–1942), античная археология в СССР (1920–1930-е гг.), Таманская экспедиция Гос. Акад. истории материальной культуры (ГАИМК) и изучение Боспорского царства.

Е. G. Pankratova
(St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)

**On the history of the development of Ancient archeology in the 1930s
in the USSR (based on the materials of the investigative case of
Grigory Borovka)**

The main difficulty in studying the 1920s and 1930s in the history of Russian archaeology is that, due to the strengthening of ideological control and the repressive policy of the state, a huge number of archival documents were destroyed, decentralized and classified. After the opening of the access to these documents, it became clear that they are not only important

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–09–00180А «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)».

not only for compiling memorial databases, but also represent a unique source for learning the history of Russian science. In particular, the work with the investigative case of the archaeologist and scythologist Grigory Borovka allowed us to clarify the institutional features of the development of ancient archeology in the capitals, for the first time allowed us to establish the stages of the organization of the Taman expedition of the GAIMK and to obtain important, previously unpublished, information about the conduct of the archaeological excavations on the territory of Hermonassa and Phanagoria.

Key words: Grigory J. Borovka (1894–1942), archaeology in the Soviet Union in 1920–1930-th, Taman expedition of the GAIMK and the investigation of the Bosporan kingdom.

Конец 1920-х–1930-е гг. по-прежнему остаются наименее изученным этапом в истории отечественной археологии. Основная сложность в исследовании данного периода заключается в том, что ввиду репрессивной политики и идеологического контроля государства, которые начали нарастать с 1929 г., огромное количество архивных документов было уничтожено, децентрализовано и засекречено. В частности, вплоть до начала 1990-х гг. исследователи не могли получить доступ к большому массиву архивно-следственных дел, хранившихся в архивах КГБ СССР. После того, как следственные материалы стали открыты для представителей общественных организаций и ученых, история отечественной науки пополнилась многочисленными публикациями, посвященными отечественным историкам, археологам, этнографам и лингвистам, ставшим жертвами политических репрессий 1930-х гг. (Anshin, Alpatov: 1994; Artizov: 1994; Sultanbekov: 2002; Люди и судьбы: 2003; Tunkina: 2000). Изучение этого важнейшего комплекса архивных материалов несет в себе не только морально-этический и мемориальный аспекты, но позволяет восполнить существенные пробелы в истории гуманитарных наук, в частности, античной археологии, в первой половине 1930-х гг.

В Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО) в ходе работы с архивно-следственным делом археолога и скифолога Григория Осиповича (Иосифовича) Боровки (П-74160), был выявлен документ, благодаря которому были получены новые данные об общих тенденциях развития античной археологии в 1928–1931 г., а также об организации и работе Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 г.) (Vino-

gradov, Medvedeva, Pankratova 2020)². «Следственное дело № 918–31 по обвинению Боровко Григория Осиповича» (П-74160) включает в себя фрагменты показаний А. М. Мерварта, ставшими основанием для ареста Г. И. Боровки; стенограмм допросов, записанных следователем от руки (23 сентября, 25 октября, 2 декабря 1930 г., 9 июня 1931 г.); личных показаний Г. И. Боровки, записанных им, судя по всему, во время продолжительных допросов; следственных материалов ОГПУ (протоколов обыска и задержания, анкеты арестованного, постановления к привлечению в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения, обвинительного заключения, справок о пересылке в Ухт-Печерский лагерь и др.), а также отзывов о работе в Монгольской экспедиции АН СССР и «Отзыв А. А. Миллера о работах научного сотрудника Таманской экспедиции ГАИМК – Г. И. Боровки» (Pankratova 2019: 154–166). Отзыв А. А. Миллера датирован 30 апреля 1931 г. и был запрошен ОГПУ спустя 7 месяцев заключения Г. И. Боровки во внутренней тюрьме ОГПУ на Шпалерной, 25 (П-74160. Л. 51–56).

Г. И. Боровка был арестован 20 сентября 1930 г., после возвращения из Таманской экспедиции, по обвинению в членстве в контрреволюционной монархической организации. 3 сентября 1930 г., состоялся первый допрос Г. И. Боровки, после которого 25 октября 1930 г. в «Постановлении о привлечении в качестве обвиняемого», ему было предъявлено обвинение по пунктам 4,6 и 11 статьи 58 УК СССР (шпионаж, антисоветская агитация). На очередном допросе, 2 декабря 1930 г., Г. И. Боровка допрашивался на предмет своей «шпионской деятельности» (П-74160. Л. 40). Как подтверждение шпионажа следствие вменяло ему сделанные им в экспедициях фотографии, о чем в протоколе допроса, со слов Г. И. Боровки, было внесено следующее: «должен еще признаться, что в экспедициях делал незаконные снимки в Монголии и Крыму. На Тамани [снимал] виды берега Тузлы и два снимка берега у станицы Таманской, кроме того я снимал виды курганов у Сенной и использовал их в своем докладе в ГАИМК. В Керчи снимал вид Керченской бухты с горы Митридат и вид курганов Юз-Обы. Последние снимки

² Таманская экспедиция (1930–1931 г.) одна из наименее изученных экспедиций ГАИМК. В настоящее время проводится комплексная работа по выявлению и публикации всего комплекса архивного и археологического материала. Предварительные итоги см.: Vinogradov, Medvedeva, Pankratova 2020; 2021.

остались не проявленными, так как по приезду был сразу арестован. Делал я эти снимки не сознательно, хотя понимал, что совершаю преступление» (П-74160. Л. 45). Примечательно, что в дело подшит конверт с надписью «Вещдок. Вид с горы Митридат на Керченскую бухту», в котором содержится 5 фотографий, о которых и шла речь на допросе (рис. 1–5) (П-74160. б/н).

Не вызывает сомнения, что для подтверждения шпионской деятельности были запрошены и отзывы о деятельности Г. И. Боровки в Монгольской экспедиции АН СССР и Таманской экспедиции ГАИМК. И если отзыв о работе в Монгольской экспедиции составлен достаточно формально (П-74160. Л. 57), то отзыв о работе в Таманской экспедиции, составленный ее руководителем А. А. Миллером³, содержит не только сведения о работе Г. И. Боровки, но представляет собой общую характеристику развития античной археологии и ее организационных основ перед важным для науки рубежом — 1928–1930 г.

Во вступительной части документа А. А. Миллер приводит краткую характеристику археолого-топографических работ на Тамани проводимых до 1928 г., отмечая их низкий уровень в сочетании с личными разногласиями между московскими исследователями, принявшими характер «грубого столкновения с взаимными обвинениями»⁴ (П-74160. Л. 51). Далее он отмечает заинтересованность Г. И. Боровки в изучении археологической топографии Таманского полуострова, но вместе с тем подчеркивает свое несогласие с Г. И. Боровкой в области изучения исключительно античного периода (П-74160. Л. 52). Затем А. А. Миллер крайне подробно описывает заседание при Музейном отделе Главнауки, состоявшееся в ноябре в 1929 г., на котором утверждался список археологических экспедиций

³ Миллер Александр Александрович (1875–1935), археолог, кавказовед, этнограф, палеоэтнолог. Директор (1917–1921), руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932). Арестован 7 сентября 1933 г. по делу «Российской национальной партии», обвинен по ст. 58–6 и 58–10 УК РСФСР. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая с 09.10.1933. Умер в Карлаге 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

⁴ В данном случае А. А. Миллер имел ввиду несогласованность действий в отношении исследования Фанагории между сотрудником РАНИОН А. С. Башкировым и научным сотрудником МИИ Л. П. Харко – *Е. П.*

на 1930 г., в частности раскопки Фанагории и Гермонассы.⁵ Отмечалось, что от ГАИМК на заседании присутствовали председатель ГАИМК Н. Я. Марр и его заместитель Ф. В. Кипарисов, от ГМИИ — директор В. П. Полонский и Л. П. Харко, А. А. Миллер представлял Русский музей. Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов заявили, что все вопросы о проведении археологических раскопок на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК, что явилось для А. А. Миллера «полной неожиданностью» (П-74160. Л. 53). Уже позже, в личном разговоре, Ф. В. Кипарисов сказал, что руководство экспедицией будет возложено на А. А. Миллера и попросил его включить в состав экспедиции Г. И. Боровку для того, чтобы тот мог «серьезно заняться усвоением методики полевых археологических исследований». А. А. Миллер отмечал, что он вполне разделял эти мотивы и не возражал против включения Боровки в состав экспедиции (П-74160. Л. 53). Особо А. А. Миллер подчеркивал наличие у экспедиции всех необходимых разрешений для проведения археологических работ: «в пограничном отделе ГПУ мне было разрешено производить исследования в приграничной полосе, причем об этом было дано письменное извещение уполномоченного ГПУ в Анапе для оповещения местных агентов на Таманском полуострове» (П-74160. Л. 54).

Вся работа, которую Г. И. Боровка выполнял в составе экспедиции, подробно описана А. А. Миллером, как и даты всех его перемещений: «Боровка участвовал в работах отряда по исследованию территории от Панагии до Бугаза и Кизилташа, а также в разведочных подчистках в городище у станции Сенной и территориальных обследованиях в направлении так называемого Киммерийского вала с выходом к Азовскому побережью у Пересыпи, а также в обследовании берегов бывшего протока от Шимарданской бухты» и пр. (П-74160. Л. 54). А. А. Миллер подчеркивает, что вынужден был уехать на время и оставил руководство Фанагорийским отрядом за Г. И. Боровкой⁶. Касательно сделанных Г. И. Боровкой фотографий, А. А. Миллер

⁵ Несмотря на то, что в фонде Главнауки (ГАРФ. А-2307) содержится прямое указание на данное заседание, состоявшееся в ноябре 1929 г. (ГАРФ. А-2307. Оп. 14. Д. 29. Л. 42), соответствующий протокол в составе фонда до сих пор не выявлен.

⁶ Подробную информацию о раскопках Фанагорийского отряда Таманской экспедиции ГАИМК см.: Виноградов, Медведева, Панкратова 2021 (в печати).

сообщил следующее: «мне известно, что у него был небольшой фотоаппарат, его снимки я видел и раньше и находил их неудовлетворительными в техническом отношении. Вследствие этого для ответственных фотоснимков мною был командирован фотограф А. А. Гречкин, которым были сделаны нужные снимки и сданы мне в Ленинграде полностью... Приехав в Ленинград в октябре, я узнал, что Боровка арестован, но что касается расчисток в обнажениях Сенного городища, то все чертежи слоев находятся в материалах экспедиции, но никаких сведений об его территориальном обследовании до Пересыпи я не имею, как не имею и тех фотоснимков, которые были сделаны Боровкой на полуострове» (П-74160. Л.55). Подводя итог, А. А. Миллер заключает, что никаких положительных результатов от участия Г. И. Боровки в экспедиции он отметить не может, но «в частных обсуждениях Боровка обнаруживал книжную подготовленность, а также владел хорошим знанием вещевого материала в Эрмитаже, но формально-типологический метод, которым пользуется при работе Боровка при современных установках советской науки считается отжившим» (П-74160. Л. 56). В составе Научного архива ИИМК РАН данный отзыв отсутствует, что лишний раз подтверждает его «следственный» статус.

21 июля 1931 г., после почти года заключения, было подготовлено обвинительное заключение, в котором «археолог Боровко» обличался как «агент германской разведки, пользующийся своим служебным положением и пребыванием в археологических экспедициях ГАИМК и АН СССР для ведения систематического и политического шпионажа» (П-74160. Л. 72). Отмечалось, что «после упорного заперательства Боровка сознался в незаконном детальном фотографировании Керченской бухты, проливов и других стратегических местностей (П-74160. Л. 73). Каким образом происходило дознание, свидетельствует почерк Г. И. Боровки в первые месяцы заключения (рис. 6) и спустя десять месяцев нахождения в ДПЗ (рис. 7). Важно отметить, что по сравнению со второй половиной 1930-х гг., на допросах широко не применялись физические пытки, основными мерами давления было лишение сна, угрозы членам семьи и иные меры психологического воздействия (Anshin, Alpatov 1994: 53).

В итоге «ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе, рассмотрев следственное дело Г. И. Боровки, постановило ходатайствовать перед Коллегией ОГПУ о применении в качестве

меры социальной защиты ... заключение в концлагерь сроком на 10 лет» (П-74160. Л. 80).

15 ноября Г. И. Боровка был этапирован из Ленинграда и находился в перевалочном лагере в г. Вологде, после чего был направлен в поселок Чибью (с 1939 г. — Ухта). В Ухт-Печерском лагере он продолжал заниматься любой доступной ему научной деятельностью: читал лекции на геологических курсах, собрал в районе р. Ухты большую археологическую коллекцию, занимался палеонтологией. Часть срока провел в лагерных больницах, по истечении заключения, 21 сентября 1940 г. освобожден из лагеря, но по-прежнему работал в качестве вольнонаемного в Ухто-Ижемском лагере. Судя по материалам второго следственного дела Г. И. Боровки в составе ГАРФ, он был арестован вторично, скорее всего по доносу одного из коллег по обвинению во враждебных настроениях к советской власти, высказывании пораженческих настроений в отношении Советского союза и «клеветнических измышлениях на условия жизни трудящихся» (ГАРФ. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2215. Л. 2). Во время вторичного заключения содержался вместе с тремя другими арестованными⁷ по этому же делу в следственном изоляторе Ухто-Ижемского лагеря. 4 апреля 1942 г. состоялось заседание Верховного суда Коми АССР, на котором все обвиняемые были приговорены к ВМН. На это решение Г. И. Боровкой и другими заключенными была подана жалоба в Верховный суд РСФСР. 24 апреля 1942 г. состоялось заседание судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР, в судебном решении которой было указано, что «осужденный Боровко признал себя виновным и пояснил суду, что все осужденные вместе с ним по данному делу как во время работы, так и на квартире у него систематически высказывали пораженческие настроения в отношении СССР и клеветали на советскую власть», поэтому «преступление совершенное осужденными является дока-

⁷ Известно, что одним из них был Пантелеймон Львович Низковский (1883–?), геолог. Арестован в г. Саратове 7 июня 1936 г. по ст. 58–10 УК РСФСР, был приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ. Срок отбывал в Севжелдорлаге (1936–1940) и Ухто-Ижемском лагере (1940–1941), был освобожден 7 июня 1941 г. Повторно арестован в декабре 1942 г., приговорен к ВМН с заменой на 10 лет лишения свободы. Освобожден 22 марта 1944 г. (Жертвы политического террора в СССР. Книга памяти Республики Коми. Т. 9, ч. 2)

занным, квалифицированно правильно и мера наказания по отношению к Боровке соответствует содеянному. Что касается ...[других осужденных] то суд без достаточных к тому оснований применил к ним ВМН. Поэтому суд считает возможным заменить ВМН на лишение свободы» (ГАРФ. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2215. Л. 3). По какой причине вина именно Г. И. Боровки являлась «доказанной» крайне сложно сказать, возможно было взято во внимание немецкое происхождение и проживание в Германии его семьи. 29 июня 1942 г. состоялся расстрел ученого с полной конфискацией имущества. 11 сентября 1989 г. Г. И. Боровка был реабилитирован.

Изучение этого крайне тяжелого для восприятия вида архивных источников крайне важно как для современного гражданского общества, так и для науки. И если общество нуждается в доступных и объективных научных исследованиях, которые бы актуализировали необходимость сохранения исторической памяти о безвинно осужденных жертвах политических репрессий, то для науки значима работа с новыми данными, расширение источниковой базы и постановка новых исследовательских целей и задач. Благодаря научной работе с делом Г. И. Боровки в Архиве УФСБ стало возможным уточнить институциональные особенности развития античной археологии в Москве и Ленинграде, определить организационные этапы создания Таманской экспедиции и формирование ее научного состава, крайне важным стало получение ранее не опубликованной и не известной информации о проведении археологических раскопок в 1930–1931 гг. на территории Гермоны и Фанагории. Безусловно, этот крайне показательный эпизод вселяет определенную надежду на открытие новых фактов в истории науки на столь трагичном отрезке ее пути.

Литература

Архив УФСБ по СПб и ЛО — Архив Управления федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

ГАРФ — Государственный архив РФ.

П-74160 — номер дела из Архива УФСБ по СПб и ЛО.

Anshin, F. D., Alpatov, V. M. 1994: «*Delo slavistov*»: 30-e gody. [«*The Case of the Slavists*»: the 30s.]. Moscow. Аншин, Ф. Д., Алпатов, В. М. 1994: «*Дело славистов*»: 30-е годы. М.

Artizov, A. N. 1994: [The fate of historians of the school of M. N. Pokrovsky (mid-1930s)]. *Voprosy istorii*. 7, 34–48.

- Артизов, А. Н. 1994: Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.). *Вопросы истории* 7, 34–48.
- Lyudi i sud'by — Vasil'kov Ya. V., Sorokina M. Yu. 2003: *Lyudi i sud'by / Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917–1991)*. [People and destinies. Biobibliographical Dictionary of orientologists-victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)]. Peterburgskoe vostokovedenie.
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. 2003: *Люди и судьбы. Биобibliографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. Петербургское востоковедение.
- Pankratova (Zastrozhnova), E. G. 2019: [«I do not believe that everything will end badly, it would be too unfair...»: to the biography of the archaeologist G. I. Borovka (based on the materials of the investigative case)]. *Rossiyskaya arkheologiya* 2, 154–166.
- Панкратова (Застрожнова), Е. Г. 2019: «Я не верю что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...»: к биографии археолога Г. И. Боровки (по материалам следственного дела). *Российская археология* 2, 154–166.
- Sultanbekov, B. F. 2002: [Shot as a terrorist...(according to the pages of the investigative case of the historian Mikhail Khudyakov)]. *Ekho vekov — Gasyrlar avazy* 1–2, 107–125.
- Султанбеков, Б. Ф. 2002: Расстрелян как террорист...(по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). *Эхо веков — Гасырлар авазы* 1–2, 107–125.
- Tunkina, I. V. 2000: [«The case» of Academician Zhebelev]. *Drevnij mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* 2, 116–161.
- Тункина, И. В. 2000: «Дело» академика Жебелева. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России* 2, 116–161.
- Vinogradov, Yu. A., Medvedeva, M. V., Pankratova, E. G. 2020: [The Taman expedition of the GAİMК: to the history of creation]. *Arkheologicheskie vesti* 30, 312–329.
- Виноградов, Ю. А., Медведева, М. В., Панкратова, Е. Г. 2021: Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания. *Археологические вести* 30, 312–329.
- Vinogradov, Yu. A., Medvedeva, M. V., Pankratova, E. G. 2021 (in print): Tamanskaya èkspediciya GAİMК i issledovaniya Fanagorii. [The Taman expedition of the GAİMК and the exploration of Phanagoria]. *Bosporskie issledovania*.
- Виноградов, Ю. А., Медведева, М. В., Застрожнова, Е. Г. 2021 (в печати): Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории. *Боспорские исследования* 2021.

Рис. 1. Вид на часовню И. А. Стемпковского с вершины горы Митридат. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 1. View of the Stempkovsky's chapel from Mount Mithridat, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 2. Вид с горы Митридат на Керченский залив. Фото Г. И. Боровки. Копия. УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 2. View from Mount Mithridat to the Kerch Bay, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 3. Вид на городище Пантикапей. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.
Fig. 3. View of the ancient settlement Panticapaeum, Crimea. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 4. Вид с горы Митридат на Керченский залив. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.

Fig. 4. View from Mount Mithridat to the Kerch Bay. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

Рис. 5. Вид на Керченский залив и городище Пантикапей. Фото Г. И. Боровки. Копия. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-76140. б/н.

Fig. 5. View of the Kerch Bay and the ancient settlement of Panticapaeum. Photo by G. Borovka. Taman expedition.

